

© 2011 г. Н.Р. ДОБРУШИНА

МНОГОЯЗЫЧИЕ В ДАГЕСТАНЕ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XXI ВЕКА: ПОПЫТКА КОЛИЧЕСТВЕННОЙ ОЦЕНКИ*

В статье делается попытка разработать методику исследования языковых контактов, использующую обращение к семейной памяти респондента, и заложить основы для типологии контактных ситуаций в Дагестане.

Исследования языковых контактов все чаще оказываются в фокусе лингвистических исследований. Контакты с другими языками – важный источник инноваций в языке. Тем не менее, любые утверждения о том, что некоторое языковое явление является заимствованным или развилось под воздействием других языков, представляет большие сложности с точки зрения своей верифицируемости [Aikhenvald 2002: 2]. В самом деле, во многих случаях однозначно доказать, что некоторая конструкция, форма или даже корень являются заимствованными, очень непросто, хотя ни у кого сегодня не возникает сомнений в том, что заимствования (в широком смысле) составляют существенную долю в словаре и грамматике любого языка.

Завершившийся недавно проект исследования лексических заимствований в языках мира показывает от 2% до 63% заимствований при наиболее частом показателе в районе 25% [WLD]. В этом проекте осуществлена попытка на материале ряда конкретных языков сделать количественную оценку лексики, источником которой являются другие языки. Важной характеристикой этого подхода является сравнимость данных, возможность применить один и тот же измерительный инструмент к разным языкам мира. Стремлением найти способы измерения языковых контактов, позволяющие описывать многоязычные ситуации с помощью одного инструмента, обусловлен и тот проект, который представлен в настоящей статье. Его задача – подойти к проблеме измерения интенсивности языковых контактов с другой стороны, а именно со стороны социолингвистической.

Полное или частичное владение некоторой группой людей вторым, третьим или большим числом языков является причиной «обмена» языковым материалом на разных уровнях. Существует предположение, что интенсивность этого обмена зависит от уровня многоязычности, то есть от того, какой процент населения владеет (владел) вторым языком, какова степень этого владения, насколько продолжительным был период билингвизма в истории группы и так далее (см. об этом [Thomason 2001: 66–67]).

Задача этой статьи – показать, какие результаты могут быть получены при исследовании многоязычия с помощью методики опроса, специально разработанной для этой цели автором и опробованной им в трех селах Дагестана¹.

Дагестан хорошо известен как территория исключительного языкового богатства и разнообразия. По разным оценкам, здесь говорят на 30–40 различных языках (не считая диалектов). На сегодняшний день в Дагестане практически нет таких групп населения, которые были бы моноязычны (если не считать население крупных городов,

* Индивидуальный исследовательский проект № 09-01-0042 «Социолингвистические параметры контактных ситуаций в Дагестане» выполнен при поддержке Программы «Научный фонд ГУ-ВШЭ».

¹ В настоящий момент аналогичные данные собраны еще по 9 селам.

утрачивающее местные языки и массово переходящее на русский). Языковой репертуар сегодняшнего жителя дагестанского горного селения часто включает три языка: местный язык или диалект (иногда очень значительно отличающийся от литературного варианта), крупный дагестанский язык, который доминирует на данной территории, и русский. Этот набор может расширяться за счет языка (языков) соседних сел, азербайджанского, кумыкского, грузинского языков, за счет знания классического арабского. При этом особенностью традиционных поселений Дагестана является их относительная моноэтничность: в Дагестане не были приняты смешанные браки (о дагестанской эндогамии см. [Comrie 2008]), и все жители одного аула, как правило, имеют один материнский язык.

Дагестан, таким образом, представляет собой идеальное поле для изучения моделей многоязычия. Существенно и то, что, в отличие от многих регионов мира, в Дагестане эти модели, хотя и претерпели значительные изменения на протяжении последних ста лет, однако в некоторой степени еще сохраняют формат более давних языковых ситуаций, характерных для XIX века, а возможно и для более ранних эпох.

Между тем хотя Дагестан и его языки привлекают немало исследователей и о богатстве его языковой ситуации сказано немало, детальных исследований ситуаций многоязычной коммуникации в конкретных регионах Дагестана по-прежнему еще мало. Типичные оценки языковых ситуаций тех или иных дагестанских идиомов, как правило, носят весьма общий характер: «Бежтинцы в массе своей знают аварский, цезский, а также грузинский языки» [Магомедханов 2007], «Цахурский язык подвергся значительному влиянию азербайджанского языка ввиду длительных контактов цахурцев с азербайджанцами. В настоящее время большинство цахурцев владеет азербайджанским и русским языками» [Кибрик 1999], см. еще [Chirikba 2008].

Оценки такого рода позволяют составить общее представление о языковом репертуаре тех или иных регионов, однако не дают возможности основывать на них выводы о контактном происхождении того или иного языкового феномена. Так, например, прежде чем использовать утверждение о том, что для цахурцев характерен цахурско-азербайджанский билингвизм в собственно лингвистическом исследовании, необходимо иметь ответы хотя бы на следующие вопросы:

- каковы количественные показатели цахурско-азербайджанского билингвизма – какой процент цахурцев владеет сегодня азербайджанским языком?
- какова продолжительность этого языкового контакта – является ли он приобретением последних лет или типичен для этого региона издавна?
- происходили ли изменения в интенсивности билингвизма (в количественном и/или качественном отношении) на обозримом участке времени?

Список этих вопросов можно продолжать в зависимости от целей исследования [Bowern 2010]. Очевидно, что для решения задачи, обсужденной в начале статьи, – диагностировать некоторое языковое явление как контактное – продолжительность и интенсивность билингвизма имеют первостепенное значение.

Таким образом, хотелось бы а) иметь инструменты измерения интенсивности билингвизма, б) иметь данные, полученные с помощью этих инструментов, не только для современного периода, но и как можно более глубоко в историю, поскольку изменения в грамматике, синтаксисе, базовой лексике языка происходят не вдруг. Тестированию этих инструментов и посвящена настоящая статья.

1. ЗОНА ОБСЛЕДОВАНИЯ

Полевое исследование, описанное в этой статье, проводилось в июле 2009 г. в трех соседних селениях высокогорной части Центрального Дагестана (Чародинский район): Арчиб², Читтаб и Шалиб. Языковая ситуация этой небольшой территории интересна

² В работе [Кибрик и др. 1977] село называется *Арчи*. Это традиционное название, которое в настоящий момент сменилось возникшим под влиянием аварского языка вариантом *Арчиб*. Жители села сегодня не помнят старого названия и используют только вариант *Арчиб* (независимо

тем, что материнские языки жителей этих сел находятся в весьма отдаленном родстве друг с другом: в Арчибе говорят по-арчински (язык лезгинской группы нахско-дагестанской семьи), в Читтабе – на диалекте аварского языка (аваро-андийская группа), в Шалибе – на лакском. Взаимопонимание между арчинским, лакским и аварским языками исключено.

Географическая близость селений (между всеми тремя точками примерно полтора часа пешего хода) дает основания предполагать, что языковые контакты между ними являются весьма продолжительными, во всяком случае, нет никаких исторических данных, противоречащих этому предположению.

Арчиб является самым крупным селением из трех (см. таблицу 1). Еще важнее, что численность населения Арчиба значительно выросла на протяжении XX в. и пока нет явных признаков ее падения. Между тем население других сел, в особенности Шалиба, уменьшилось в результате интенсивной миграции в город (см. об этом [Добрушина 2008]).

Таблица 1

Обследованные селения: доминирующий язык и численность населения³

селение	материнский язык	население 1917 год	население 2000 год
Арчиб	арчинский (< лезгинская группа)	626	1191
Читтаб	аварский (< аваро-андийская группа)	206	191
Шалиб	лакский (< лакская группа)	368	156

Арчиб был выбран пунктом основных исследований, и данные по этому аулу более детальны, чем по двум другим.

2. МЕТОДИКА ОБСЛЕДОВАНИЯ

Методика опроса, примененная в настоящем исследовании, возникла как следствие двух задач:

- 1) получить количественные данные об уровне билингвизма;
- 2) получить эти данные не только для настоящего момента, но и для как можно более глубокого прошлого.

Работа в каждом из селений состояла из двух этапов.

Первый этап – проведение устных интервью в свободном жанре, задача которых – выяснить, на каких языках говорят / говорили в этом селении, какие языки используются / использовались в школьном обучении, какие экономические контакты характерны / были характерны для селения, откуда и куда проходили дороги, ведущие через селение, возможны ли смешанные браки и с кем и т.д.

В результате проведения двух – трех таких бесед с людьми разного возраста исследователь получает общую картину ситуации языковых контактов, характерных для данного селения.

Второй этап – проведение более массового опроса на основе короткой анкеты. Эта анкета включает в себя вопросы о личности респондента и о его языковом репертуаре. Особенность опроса состоит в том, что респондента просят ответить на вопросы не только за себя, но и за всех старших родственников, которых он может вспомнить, – отца, мать, бабушку, дедушку и т.д. Таким образом удастся получить некоторую информацию о контактной ситуации в прошлом. Укажем, что в нашей базе есть анкеты, заполненные для людей, родившихся в середине XIX века. Конечно, информация такого

от возраста).

³ Данные из книги [Магомедов 2000: 493–502].

Фрагмент базы данных

Имя	Пол	Родственные отношения с референтом	Годы жизни	Образование	Чтение Корана	Аварский	Русский	Лакский	Знание других языков	Грамотность
Тагир	м		1928	5 кл.	нет	аварский знает, говорит как в районе; чабановал в Кочубее	нет	нет	нет	аварская – читает, ставит подпись
Нажават	ж	мать Тагира	1900–1970	нет	нет	аварский знала от гостей	нет	лакский знала лучше, чем аварский	нет	нет
Равзат	ж	жена Тагира	1938	4 кл.	нет	аварский знает, говорит как в районе	нет	нет	нет	аварская – читает, но не пишет
Ашура	ж	мать Равзат, свекровь Тагира	1900–1969 примерно	нет	нет	аварский хорошо знала, ее муж был в тюрьме в Хунзахе, она к нему ездила	нет	лакский вроде бы не знала, хотя в Кумух ходила	нет	нет
Нажи	м	отец Равзат, свекор Тагира	1895–1945 примерно	нет	да	аварский свободно	русский знал	лакский хорошо	азербайджанский знал хорошо	арабская, аварская
Али	м	сын Тагира	1965	10 кл.	да	аварский знает неплохо, был чабаном в аварском селении	русский неплохо (был в армии)	нет	нет	арабская, аварская, русская
Саида	ж	жена Али, невестка Тагира	1967	8 кл.	нет	аварский знает средне	русский средне	нет	нет	аварская, русская
Патимат	ж	дочь Тагира	1961	8 кл.	нет	аварский литературный	русский знает плохо	нет	нет	аварская

рода гораздо менее надежна (ограничения этого метода будут обсуждены ниже), но, по-видимому, это единственный способ получить хоть какие-то количественные данные о том, на каких языках говорили в Дагестане во второй половине XIX века и в начале XX века.

Приведем список вопросов, составляющих короткую анкету⁴.

- Имя
- Пол
- Если респондент сообщает не о себе, а о родственнике – отношения с референтом (отец / мать / дед такого-то)
- Год рождения [и смерти]
- Образование / работа / опыт жизни вне села
- Читает / читал ли Коран? Если читает / читал, то понимает / понимал ли прочитанное?
- Владение вторым языком (L2)
- Владение третьим языком (L3)
- Владение русским языком
- Владение другими (редкими / нетипичными для данного региона) языками
- Грамотность – в каких языках / графических системах

Опыт показал, что чаще всего один респондент в состоянии рассказать о двух, реже трех старших родственниках. Таким образом, беседа с одним респондентом дает три – четыре входа в базу данных (три – четыре заполненные анкеты).

В таблице 2 в качестве примера представлен фрагмент базы данных, содержащий сведения о членах одной семьи (получен в результате общения с тремя членами семьи).

3. РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

3.1. Арчиб

3.1.1. Общая характеристика социолингвистической ситуации в Арчибе

Селение Арчиб состоит из шести так называемых хуторов – поселений, которые находятся на расстоянии от 15 минут до часа пешего хода и представляют собой единую социальную и административную единицу. В Арчибе говорят на арчинском языке. Это язык лезгинской группы нахско-дагестанской семьи, не имеющий других территорий распространения. По неизвестным историческим причинам арчинцы оказались территориально отделены от других лезгинских народов, арчинский язык развивался изолированно от родственных ему языков нахско-дагестанской семьи. В селении насчитывается около 1200 человек; вне селения, по самым предположительным оценкам, еще не более 300.

Арчинский язык можно считать бесписьменным, хотя в 2006–2007 гг. в рамках работы экспедиций МГУ и проекта цифрового арчинского словаря [Chumakina et al. 2007] на основе привычной арчинцам аварской кириллической графики была разработана орфография фонематического типа [Архинов и др. 2008].

Тем не менее, арчинцы пока не обнаруживают тенденций к утрате родного языка. Дети, как правило, говорят только по-арчински и не понимают никаких других языков до того, как идут в школу. В селении не используется никаких языков, кроме арчинского, если исключить школу и нечастые ситуации, когда в Арчиб приезжают представители других этносов.

⁴ Отметим, что нам не приходилось включать в анкету вопрос о степени владения родным языком, поскольку во всех обследованных нами селах Дагестана знание родного языка (L1) не подвержено утрате ни в какой степени.

Арчинцы окружены носителями других языков. Ближайшие их соседи – аварцы и лакцы. В отличие от арчинского, и аварский, и лакский являются крупными литературными языками Дагестана. Взаимоотношения арчинцев с этими двумя соседями менялись на протяжении последних полутора веков.

С административной точки зрения за минувшие полтора столетия арчинцы перешли из подчинения лакским землям к подчинению аварским. Арчиб находится на границе Лакского района (бывшее Казикумухское ханство) и Чародинского района (территория преимущественного заселения аварцами). Известно, что в XVII–XVIII веках арчинцы находились в зависимости от Казикумухского ханства, а в начале XIX века вошли в его состав [Цуциев 2006: 24]. В конце 1899 года селения Арчи, Шали, Дусрах и другие вышли из Казикумухского округа и были переданы в состав Гунибского округа, доминирующим языком которого является аварский [Сергеева 1967]. В 1929 году, после административно-территориального преобразования Дагестана, Арчибский сельсовет оказался в составе Чародинского района, являющегося почти исключительно авароязычным.

Арчинцы имели два канала постоянных контактов с лакцами. Во-первых, они регулярно ходили через перевал в лакские районы: пеший переход по горной тропе в Кумух, центральное село Лакии, занимал день с раннего утра и до вечера. На Кумухском базаре арчинцы продавали мясные и молочные изделия и покупали зерно, муку, керосин, соль, ремесленные изделия. В лакских селах Казикумухского ханства многие арчинцы работали дибирями (дбир – духовное лицо в дагестанских селениях). Во-вторых, лакское село Шалиб является одним из двух ближайших соседей арчинцев (около полутора часов пешего хода). С шалибцами арчинцев связывают давние экономические отношения. Связи с лакцами были причиной того, что многие арчинцы знали л а к с к и й язык.

Распространенным среди арчинцев языком является а в а р с к и й. Арчиб сегодня принадлежит к авароязычному району центрального Дагестана (Чародинский район). Поскольку арчинский язык не имеет никакого официального статуса, в качестве «родного языка» в начальной и средней школе преподается аварский. Таким образом, в возрасте 6–7 лет арчинские дети начинают активно изучать аварский язык (до школы они по-аварски не говорят). Помимо школы, аварский используется при общении с аварцами из района. Дети выезжают из села нечасто, их знание аварского языка, как правило, остается пассивным вплоть до окончания школы.

Следует отметить, что, поскольку с 40-х годов XX века аварский усваивается арчинцами в школе, в настоящее время для них характерно знание литературного варианта аварского языка. Между тем в районе распространен диалектный вариант аварского; этим вариантом свободно владеют лишь те арчинцы, которые жили или работали в аварских селах.

Сегодняшние арчинцы хорошо знают р у с с к и й язык. Он изучается в местной школе с момента ее открытия в начале 30-х годов XX века. Приблизительно с этого времени и до 70-х годов в селении постоянно жили несколько русских (одна или две учительницы, медсестра). Сегодня основными источниками знания русского языка являются школа, телевизор и опыт жизни вне района (армия, учеба, больница). Русский язык используется в моменты выезда за пределы района: в Махачкалу и другие крупные города, а также в ситуациях общения с представителями других дагестанских этносов (кроме аварцев). Сегодня хорошее знание русского характерно для 80–90% населения Арчиба, однако приходит оно, как правило, после окончания школы, когда молодые люди получают опыт жизни вне селения (образование, армия, работа в городе).

Из более «далеких» языков в разговорах с арчинцами чаще всего упоминается а з е р б а й д ж а н с к и й. В первой трети XX века и ранее среди арчинцев было распространено отходничество: в Азербайджан, на границе с которым находится Арчиб, ходили лудить посуду. Сходство азербайджанского с кумыкским делало возможным и общение с кумыками.

Сегодня для арчинцев характерна к и р и л л и ч е с к а я г р а м о т н о с т ь в русском и аварском языках. Однако в досоветский период в Арчибе использовалась арабская письменность. Знание арабской графики, во-первых, было необходимо для чтения Ко-

рана. Об этом писал П.К. Услар в своей записке 1869 года: «Учение доступно каждому горскому мальчику. В каждом ауле найдется один, два человека, которые учат детей читать и писать из-за куска хлеба; при каждой мечети находятся школы, где желающие учиться могут продолжать свое учение. Но во всех этих школах учат исключительно арабскому языку, с исключительной целью читать Коран и понимать его...» [Услар 1992]. Во-вторых, есть устные свидетельства о том, что арабскими буквами записывались тексты на аварском языке (например, юридические документы). Кроме того, в [Магомедханов 2009] опубликованы два религиозных текста XIX века на арчинском языке, записанных арабской графикой. Арабская письменность практически перестала осваиваться арчинцами с 30-х годов XX века, однако в самые последние годы наблюдается тенденция к возрождению арабской грамотности в связи с усилившимся интересом к религии. Сегодня в Дагестане распространено важное для мусульманина умение читать арабские буквы, не понимая смысл прочитанного; способность понимать арабский текст встречается значительно реже.

Когда в 30-х годах в Арчибе была открыта первая советская школа и арчинцев начали массово обучать письму и чтению, их учили читать и писать по-аварски, причем в течение первых лет система письма была основана на латинице. В 1938 году латиница была заменена кириллицей. По этой причине среди арчинцев были такие, кто освоил грамотность в латинской графике. Впрочем, для женщин, родившихся в первой трети XX века и проходивших в 30-е годы курсы ликвидации безграмотности, грамотность нередко ограничивается умением поставить подпись.

3.1.2. Количественные показатели билингвизма

Исследование в Арчибе проходило летом 2009 года. При этом ряд социолингвистических исследований Арчиба был проведен раньше, в 2005–2008 гг. [Добрушина 2007; 2008], так что короткие опросы базировались на обширных данных, собранных ранее.

База данных, собранных в Арчибе, содержит в настоящий момент 113 имен, из них 45 мужчин и 68 женщин. Самый ранний год рождения, зафиксированный в базе, – 1848 г., самый поздний – 2001 г.

Было принято решение рассматривать все собранные материалы по двум периодам в зависимости от года рождения респондента: до 1920 года рождения и после 1920 года рождения. В некоторых случаях второй период делится еще на два: с 1920 по 1939 гг. и с 1940 г. до самого молодого опрошенного арчинца (2001 г.р.). Поколение с 1920 г.р. в большей степени оказалось под влиянием инноваций в жизни сообщества:

- с 1932-го года в Арчибе начинают работать курсы ликбеза и в селении появляются «чужие» (аварские, лакские и русские) учителя,
- в 40-е годы часть мужского населения уходит на фронт (и приобретает на войне знание русского языка),
- в 60-е первые арчинцы отправляются в город получать высшее образование,
- в 70-е построена автомобильная дорога, ведущая в авароязычный райцентр,
- в конце 80-х начинает более-менее регулярно работать телевизор.

В количественном отношении эти две группы распределены так: до 20-х гг. рождения – 38 человек (18 мужчин + 20 женщин), после 20-х годов – 75 человек (27 мужчин + 48 женщин).

Следует подчеркнуть, что ни с кем из тех, кто входит в первую группу, мы не общались лично – большинства на сегодняшний день нет на свете. Вся информация получена от родственников, и тем самым степень ее надежности относительна.

Образование.

В группе тех, кто родился до 1920 года, первое упоминание о причастности к советскому образованию относится к женщине, родившейся в 1905 году. Она прошла курсы ликвидации безграмотности. Всего в этой группе курсы ликбеза прошли 8 человек. Как правило, это образование давало только умение поставить свою подпись, причем

Образование в Арчибе в периоды 1920–1939 гг. рождения и с 1940 гг. рождения

годы рождения	всего (м + ж)	нет образования	ликбез	медресе	незак. среднее (от 3 до 5 классов)	7 классов (с 60-х гг. – 8 классов)	среднее спец.	10 классов	высшее	неизвестно
1840–1919	38 (18 + 20)	26	8	4	–	–	–	–	–	–
1920–1939	31 (12 + 19)	6	4	–	5	11	4	–	–	1
1940–	44 (15 + 29)	–	–	–	3	10	8	7	16	–

иногда – латинскими буквами (если годы ликбеза пришлись на тот период, когда аварский язык еще имел латинскую графику). В редких случаях человек еще мог читать по-аварски крупные заголовки. Надежных сведений о более основательном школьном образовании для родившихся до 20-го года нет.

В четырех случаях (все – мужчины) еще упоминается мусульманское образование – медресе или обучение у мутаалимов из других сел. Это образование давало знание классического арабского языка: способность читать Коран и понимать прочитанное, писать арабскими буквами.

После 1920 года рождения появляются люди, которые имеют семиклассное образование. Заметим, что они едва ли могли начать учиться раньше, чем в 12 лет, – по нашим данным, лишь с 1932 года школа начала функционировать в селе. Заметным рубежом является 1940 год – начиная с этого года рождения, во-первых, исчезают люди, не имеющие никакого образования, во-вторых, появляются те, кто получил высшее. Поэтому периоды с 1920 по 1939 гг. рождения и с 1940 г. мы рассмотрим отдельно.

Из 31 человека, родившегося между 1920 и 1939 гг., 6 не имеют никакого образования, 4 – только ликбез (с точки зрения навыков грамотности ликбез, как правило, означает лишь одно преимущество – способность поставить подпись).

В следующий период людей, не получивших никакого образования, нет. В нашей базе 16 человек с высшим образованием – конечно, это не означает, что треть населения Арчиба получило высшее образование. Это отражает лишь тот факт, что основными нашими респондентами были учителя.

Чтение Корана.

Почти половина родившихся до 1919 года в той или иной степени обладала способностью читать Коран (18 человек из 38, что составляет 47%). В большинстве случаев умение читать Коран означало способность придавать графическим единицам звуковое значение, но не способность понимать прочитанное. Тем не менее, такой уровень чтения Корана говорит о высокой мусульманской образованности населения – это хорошо видно при сопоставлении с данными по другим районам.

Поколения 1920–1939 гг. и с 1940 года заметно различаются с точки зрения умения читать Коран. В первом знакомство с Кораном в общем сохранялось. Некоторое падение по сравнению с предыдущим периодом (47% для родившихся до 1920 г.) может быть связано не столько с приходом в селение представителей советской власти, сколько с явным преобладанием среди опрошенных женщин, среди которых умение читать Коран было значительно более редким явлением. В следующий период уровень

арабской грамотности резко падает. Эти данные соответствуют тем, которые получены из интервью. По разным свидетельствам, в первые годы своего функционирования школа смотрела сквозь пальцы на соблюдение религиозных обрядов. «Закручивать гайки» начали с 50-х годов, когда стало принято доносить на тех, кто делает намаз, заставлять школьников пить воду во время уразы, девочек – снимать платок в школе (см. об этом [Добрушина 2008]). Заметим, что те четверо, кто сообщил о способности читать Коран, освоили это умение будучи уже взрослыми, после падения Советской власти, на волне возрождения религиозной активности.

Таблица 4

Чтение Корана в Арчибе

годы рождения	количество (м + ж)	да	нет	неизвестно
1840–1919	38 (18 + 20)	47% (18)	47% (18)	2
1920–1939	31 (12 + 19)	23% (7)	71% (22)	2
1940–	44 (15 + 29)	9% (4)	82% (36)	4

Грамотность.

Среди населения Арчиба до 1919 года рождения была распространена преимущественно арабская грамотность. По нашим данным, около половины жителей обладали некоторым уровнем грамотности. В то же время владение какой-либо другой графической системой было не распространено – только в четырех случаях упомянуто владение кириллицей и в одном случае – латиницей, причем практически всегда способность читать и писать в кириллической или латинской системе присутствовала наряду с арабской грамотностью.

Если суммировать количество полностью неграмотных и тех, кто был способен только поставить подпись, с теми, кто обладал каким-либо типом грамотности, то соотношение неграмотного и грамотного населения на этот период составит 45% к 50%.

Грамотность начинает расти уже с 1920 года рождения, с 1920 по 1939 г. – 26% неграмотных, с 1940 г. – 2%.

Таким образом, данные по уровню образования, чтения Корана и грамотности оказываются согласованными: начиная с поколения, рожденного в 1940-е годы, традиционное мусульманское образование сменяется новым, советским.

Таблица 5

Уровень грамотности в Арчибе

	количество человек (м + ж)	неграм.	только подпись	только арабица	кроме араби- цы еще кирил- лица или латиница	лати- ница	ки- рил- лица	неизве- стно
1840–1919	38 (18 + 20)	8 (1 + 7)	9 (1 + 8)	14 (12 + 2)	5 (4 + 1)	–	–	2 (0 + 2)
1920–1939	31 (12 + 19)	2	6	–	7	1	12	3
1940–	44 (15 + 29)	–	1	–	4	–	39	–

Владение лакским языком.

О владении лакским языком теми, кто родился до 1919-го года, было сообщено в 30 случаях, то есть почти 80% населения в той или иной степени могли объясняться на лакском языке. Нет сомнений, что уровень владения лакским неодинаков – иногда речь идет об ограниченной способности объясниться на базаре в Кумухе (пять случаев были оценены как «говорил(а) немного»), иногда – о свободном владении устной речью. Мы не имеем возможности учесть различную степень владения языком. Можно сказать с уверенностью, что единственным источником знания лакского было бытовое общение с жителями соседней деревни Шалиб и с жителями лакского района (Казикумухского ханства). Ни в одном случае не было сообщено о способности читать или писать по-лакски. Забегая вперед, скажем, что знание лакского значительно снизилось в следующий период.

Начиная с 20-х гг. рождения уровень знания лакского снизился до 39%, причем разницы между поколениями, родившимися в 20–30-х годах и в 40–60-х, нет. Похоже, однако, что знание лакского упало с 70-х годов рождения: из 13-ти человек лишь двое могут объясняться по-лакски (около 15%). По-видимому, основная причина утраты знания лакского языка – построенная в 70-х гг. XX века дорога в Цуриб (административный центр Чародинского района). С этого момента экономические отношения с Лакией прекратились.

Владение аварским языком.

Неожиданным для нас оказался тот факт, что среди родившихся до 1920-х годов аварским языком владело более 90% населения (35 человек). Мы вновь не имеем возможности оценить уровень знания аварского, но лишь о четырех из тридцати пяти было сказано, что по-аварски они говорили «немного», лишь о двух было сказано, что аварским они не владели вовсе. Напротив, во многих случаях сообщалось об отличном знании аварского языка (*аварский знал как аварец; аварский слишком хорошо знал!*). Назывались следующие ситуации, где использовался аварский: в самом селе – когда приезжали гости-аварцы, в общении с аварскими учителями и начальством; вне села – принудительные работы по поручению колхоза (так называемый «перкеш»), иногда упоминается временное пребывание в аварских селах (*говорила на диалекте Гунибского района, в военные годы жила в Гунибском районе, работал в Буйнакске завгаром⁵*). Не исключено, что хорошее знание аварского было приобретено уже в старшем возрасте. Во всяком случае, две женщины, о которых было сказано, что они не владели аварским совсем, родились в середине XIX века (50–60-е гг.).

Начиная с 20-х годов рождения уровень владения аварским языком приближается к стопроцентному. Таких, кто совсем не владел бы аварским, начиная с этого времени нет; есть лишь несколько человек, про которых было сказано, что они владели аварским в малой степени. Разницы между теми, кто родился в 20–30-х гг., и теми, кто родился в 40-х гг. и позже, не наблюдается.

Владение русским языком.

Значительно более низким был до 1919 года рождения уровень владения русским языком. Лишь в 12 случаях (32%) сообщено о некоторой степени владения русским, причем в половине случаев речь шла об очень ограниченном знании (*знал плохо, но мог объясниться; кое-как изъяснялся; понимала, но почти не говорила*: так называемый «пассивный билингвизм» – *receptive bilingualism* [Edwards 2005: 10]). Отметим также, что если за весь рассматриваемый период (с 1848 по 1919 годы рождения) средний уровень знания русского оценивается как 30%, то при более детальном рассмотрении видно, что до 1899 года рождения этот уровень был заметно ниже – не более 20%, а после 1900 года рождения он вырастает почти до 40%.

В следующие периоды знание русского стремительно вырастает до стопроцентного. Сегодня среди старших арчинцев еще встречаются люди, которые плохо или

⁵ Заведующим гаражом.

совсем не говорят по-русски, между тем среди людей сорока лет и моложе это крайняя редкость. Как видно из таблицы ниже, заметный сдвиг во владении русским языком произошел также в поколении, родившемся в 40-е годы, то есть как раз тогда, когда начала с полной эффективностью функционировать советская школа.

Таблица 6

Владение русским языком в Арчибе с 1920-х гг. рождения

	да	слабое	нет
1920–1939	41% (9)	9	13
1940–1969	81% (25)	3	3
1970–2000	100 % (13)	–	–

Владение другими языками.

Помимо лакского, аварского и русского, до 1919 года рождения встречалось владение азербайджанским, кумыкским и даргинским языками. Чаще всего упоминается знание азербайджанского, причем иногда как очень хорошее (*азербайджанский знал очень хорошо, в старости слушал радиопередачи по-азербайджански*). Основным источником знания азербайджанского – походы в Азербайджан на отходный промысел, а именно – лужение. Лудильщиками работали многие арчинские мужчины. Путь на лошади до азербайджанского населенного пункта Закатала занимал день, с раннего утра и до вечера. Знание кумыкского трудно отделить от знания азербайджанского, поскольку языки чрезвычайно близки. Кумыкский упоминается реже, но если задать прямой вопрос, то про всех, кто знал азербайджанский, дается положительный ответ: *азербайджанский и кумыкский одинаковые же*. В 10 случаях (из 38, что составляет 26%) было сообщено о владении азербайджанским / кумыкским языками. Лишь в одном случае из 38 – о владении даргинским языком. По мнению респондента, владение даргинским было связано с отгоном овец в крупное даргинское селение Губден (*ходил в Губден с овцами*).

За весь период с 20-х гг. рождения лишь один человек сообщил о владении азербайджанским языком. Мужчина 1934 года рождения в молодости ходил лудильщиком в Азербайджан – это самое позднее свидетельство об отхожем промысле в Азербайджане, которое имеется в базе.

Итоги.

С точки зрения образования, заметным рубежом являются 40-е годы рождения, когда в Арчибе не осталось людей, не получивших никакого образования. С этого времени

Таблица 7

Зависимость знания языков в Арчибе от года рождения

	количество человек (м + ж)	чтение Корана	грамотность	лакский	аварский	русский	азербайджанский + кумыкский
1840–1919	38 (18 + 20)	47% (18)	50% (19)	79% (30)	92% (35)	32% (12)	26% (10)
1920–1939	31 (12 + 19)	23% (7)	74% (23)	39% (12)	100%	41% (9)	4% (1)
1940–1969	31 (12 + 19)	13% (4)	100%	48% (15)	100%	81% (25)	0
1970–2000	13 (3 + 10)	0	100%	15% (2)	100%	100% (13)	0

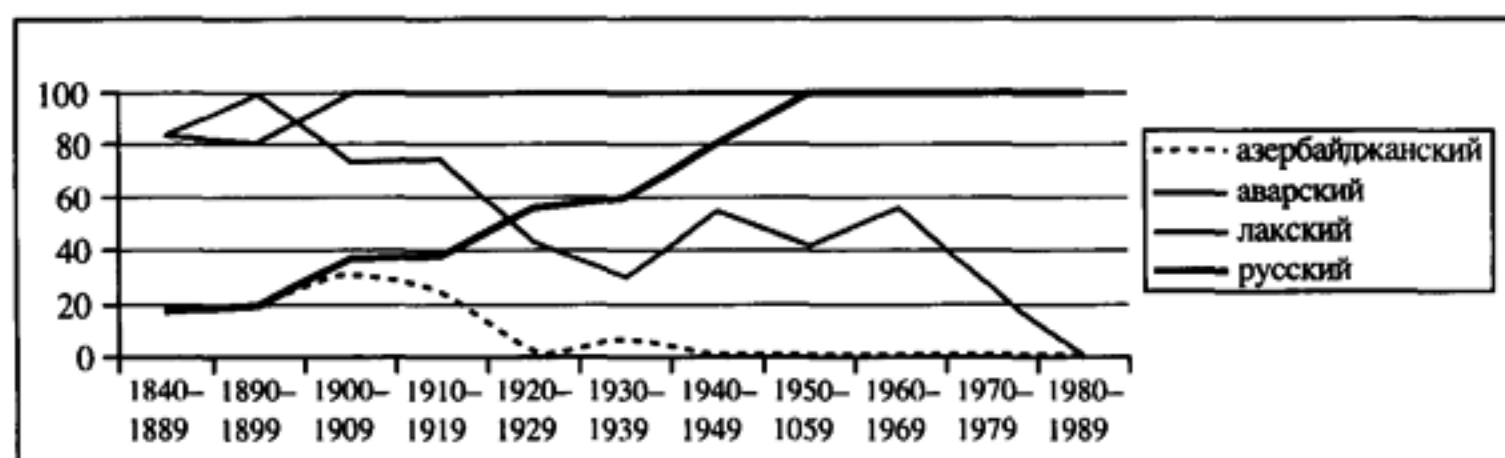

Рис. 1. Динамика многоязычия в Арчибе по годам рождения

грамотность стала всеобщей. Напротив, уровень чтения Корана упал с 47% (до 20-х гг. рождения) до 23%, а затем и до 9%.

Что касается уровня билингвизма, то знание аварского вырастает с 92% до 100%, знание русского вырастает с 32% до 81% у поколения 1940–69 годов рождения, а к 1970м годам рождения – до 100%. Знание лакского постепенно падает. Полностью исчезает практика владения языками «далеких» соседей – азербайджанского, кумыкского, даргинского.

На таблице 7 представлены все данные.

На рисунке 1 графически представлена динамика многоязычия в зависимости от года рождения.

Гендерные модели билингвизма.

В результате исследования были обнаружены некоторые отчетливые гендерные модели билингвизма.

Больше половины мужчин знали азербайджанский, кумыкский и русский языки, более 90% – аварский и лакский, более 90% были грамотны, более 80% читали Коран. В таблице представлены проценты от общего количества мужчин.

Таблица 8

Зависимость знания языков от гендера в Арчибе в период до 1920-х гг. рождения: мужчины

	всего мужчин	чтение Корана	грамотность	лакский	аварский	русский	азербайджанский + кумыкский
1840–1919	18	83% (15)	94% (17)	94% (17)	94% (17)	61% (11)	56% (10)

У женщин картина иная. Они не знали азербайджанского и кумыкского языков, поскольку не ходили на отхожие промыслы, они не владели русским (за исключением одной женщины, которая сдавала комнаты русским учительницам и могла с ними объясниться). Редкие из них были грамотны и могли читать Коран. Среди женщин распространено лишь знание аварского и лакского, хотя оно и не доходит до того уровня, который характерен для мужчин (в частности, все случаи, когда знание аварского было оценено как невысокое, относятся к женщинам). В таблице представлены проценты от общего количества женщин.

Данные таблиц 8 и 9 представлены ниже в виде диаграммы.

Таким образом, многоязычие было значительно более характерно для мужчин, чем для женщин. При этом языки отчетливо делятся на «общие» и «мужские». Общими являются языки соседей (аварский и лакский). К мужским относятся языки

**Зависимость знания языков от гендера в Арчибе в период до 1920-х гг. рождения:
женщины**

	всего женщин	чтение Корана	грамот- ность	лакский	аварский	русский	азербай- жанский + кумык- ский
1840–1919	20	15% (3)	10% (2)	65% (13)	90% (18)	5% (1)	0

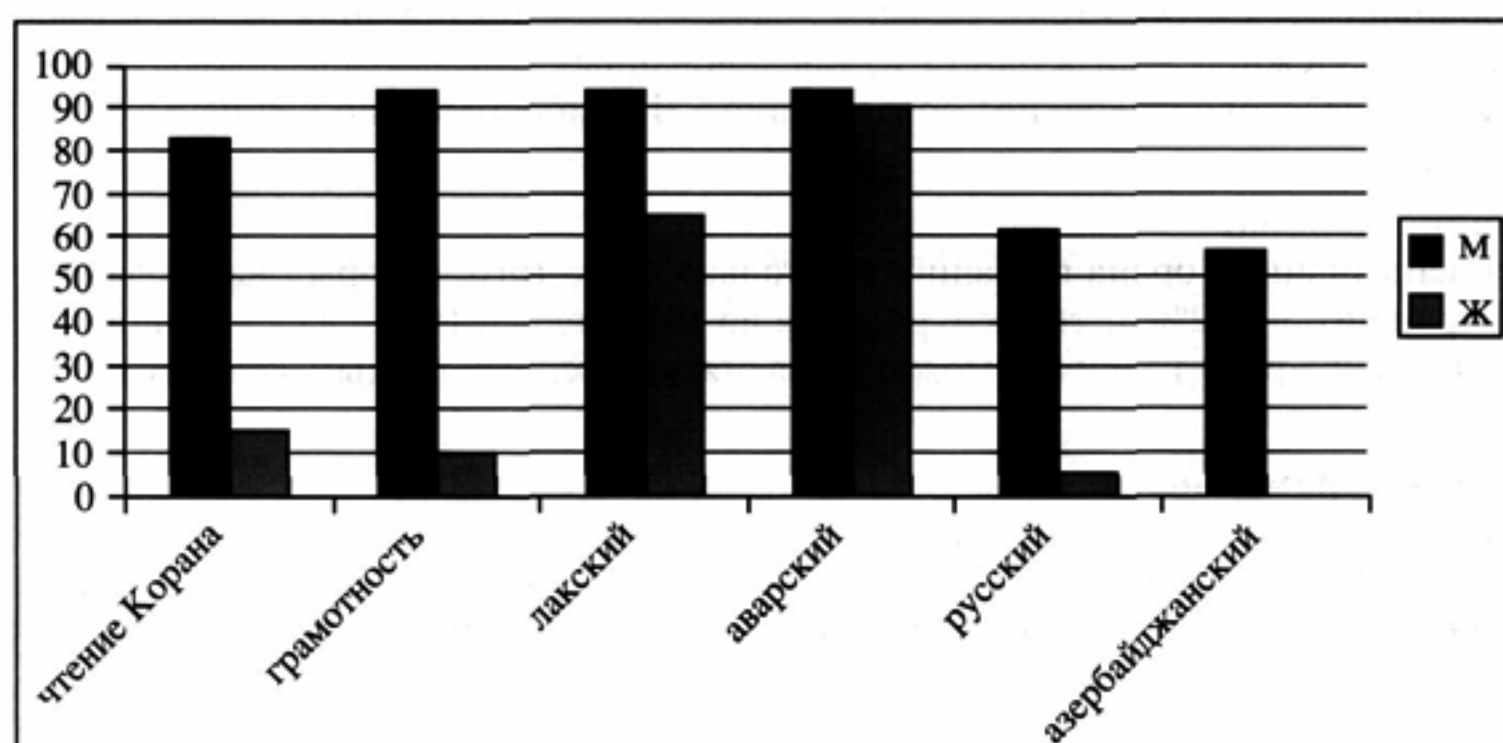

Рис. 2. Уровень знания языков и грамотности в зависимости от гендера в Арчибе в период до 1920-х гг. рождения (в процентах от числа мужчин/женщин).

дальних социальных связей – русский и азербайджанский / кумыкский. Это разделение прозрачным образом коррелирует со структурой социальных связей женщин по сравнению с мужчинами: женщины принимали в своем доме гостей из соседних сел, могли торговать с соседями, пойти на базар в Кумух. Более продолжительные отлучки характерны только для мужчин: они уходили лудить в Азербайджан, пасти овец – в даргинское селение Губден, где арендовали пастбища.

Начиная с 20-х гг. рождения эта картина сильно изменяется в сторону размывания гендерных различий. Знание азербайджанского / кумыкского утрачивается вовсе, знание русского языка и грамотность с 40-х гг. становятся почти стопроцентными. Пожалуй, лишь умение читать Коран еще сохраняется как преимущественно мужская характеристика (впрочем, учитывая незначительное количество тех, кто способен читать Коран в этот период, судить об этом трудно).

3.2. Шалиб

Шалиб – лакское селение, расположенное в полутора часах пешего хода от Арчиба и от Читтаба. Как и Арчиб, Шалиб в настоящий момент является последней точкой автомобильного доступа: после Читтаба дорога раздваивается – одна уходит в Арчиб, другая – в Шалиб. Лакский язык, на котором говорят в Шалибе, – это крупный литературный язык Дагестана. Особенность географического положения Шалиба состоит в том, что это село находится вне Лакского и Кулинского районов, где проживают лакцы. Жителям Шалиба, как и арчинцам, для того чтобы попасть в лакские селения, необхо-

димо преодолеть перевал (около 12–16 часов пешего хода). Тем не менее, их статус в Чародинском районе отличается от статуса арчинцев: они учат лакский язык на уроках родного языка в школе, аварский язык им не преподается. Некоторый уровень знания аварского для жителей Шалиба характерен в силу соседских отношений с аварцами и необходимости ездить в район. Наиболее распространенным, разумеется, является знание русского. Другие языки, знакомство с которыми встречается (встречалось) в Шалибе, – арчинский, азербайджанский (кумыкский), даргинский.

В базе данных по Шалибу 51 человек (24 мужчины + 27 женщин) от 1885 до 1987 гг. рождения.

Образование.

Первое сообщение о наличии школьного образования (4 класса) относится к мужчине, родившемуся в 1904 году. Скажем сразу, что эта информация не представляется нам вполне надежной – ни в одном из обследованных сел не было школы до 20-х годов XX века. Массовое школьное образование в Шалибе отмечено начиная с 30-х годов рождения.

Знание Корана.

Уровень знания Корана в Шалибе несколько ниже того, который наблюдался в Арчибе: Коран читали 32% от тех, кто родился до 1919 года, и 10% – в следующий период. Впрочем, такого рода различие может объясняться недостаточным количеством опрошенных.

Уровень грамотности.

Уровень грамотности в Шалибе очень похож на тот, который был обнаружен в Арчибе: около 50% населения до 1920-х годов рождения обладало знакомством с арабской или кириллической графическими системами, около 90% грамотных среди тех, кто родился после 20-х годов.

Таблица 10

Уровень грамотности в Шалибе в периоды 1880–1990 гг. рождения

	количество человек (м + ж)	только арабская	арабская + кириллица	кириллица	нет	неизвестно
1880–1919	22 (11 + 11)	9% (2)	23% (5)	18% (4)	36% (8)	14% (3)
1920–1990	29 (13 + 16)	3% (1)	7% (2)	86% (25)	3% (1)	0

Уровень билингвизма.

Список языков, знание которых упоминается шалибцами, совпадает с тем, который был обнаружен в Арчибе и Читтабе: русский, аварский, арчинский, азербайджанский / кумыкский и даргинский.

В отношении уровня и динамики знания русского языка, азербайджанского / кумыкского и даргинского никаких принципиальных отличий шалибцев от арчинцев и читтабцев не наблюдается. 41% жителей Шалиба владел русским языком до 1919 года рождения, 83% – после (начиная с 50-го года рождения – 100% населения владеет русским). Знание азербайджанского / кумыкского языков было характерно для 32% жителей в первый период, 18% – во второй. Основной мотивацией знания азербайджанского является отходной промысел: многие шалибцы, как и арчинцы, зарабатывали лудильщиками. Более того, можно предположить, что именно жители Шалиба и были своего рода источником этого умения: лакцы славились в Дагестане своими ремесленными талантами, и промысел лужения был в первую очередь характерен именно для лакских селений. Дважды упоминалось знание даргинского языка в отношении мужчин 30-х годов рождения, которые работали чабанами в даргинских горах.

Языки дальних социальных связей в Шалибе (зависимость от года рождения)

	количество человек (м + ж)	азербайджанский (кумыкский)	русский	даргинский
1840–1919	22 (11 + 11)	32% (7)	41% (9)	0
1920–1990	29 (13 + 16)	18% (4)	83% (24)	7% (2)

Таким образом, владение языками дальних социальных связей в Шалибе ничем принципиально не отличается от Арчиба. Напротив, знание соседских языков – аварского и арчинского – обнаруживает некоторые интересные особенности.

О владении аварским языком сообщили 59% тех, кто родился до 1919 года, и 48% тех, кто родился после 1920 г. Среди тех, кто родился после 1920 г., обнаружилось еще 7 человек, которые сообщили о пассивном знании аварского (*понимаю, но не говорю*). Напомним, что лакцы не изучают аварский язык в школе. Необходимость выездов в райцентр (который населен аварцами) на сегодняшний день не требует знания аварского языка, поскольку языком общения вполне может быть русский. Можно предположить, что до того момента, когда знание русского языка распространилось в районе в степени, достаточной для того, чтобы он смог выполнять функции *lingua franca*, аварский был нужен для коммуникации с соседями-аварцами. На сегодняшний день такой необходимости нет – русского языка вполне достаточно для того, чтобы объясниться в районе и быть понятым. Тем не менее, некоторый уровень знания аварского сохраняется. Причиной отчасти является тот факт, что в шалибской школе сегодня нет старших классов и шалибские дети доучиваются в других селениях района (упоминался Арчиб и аварские селения Тлярош, Ириб, Дусрах), выучивая за годы обучения в старших классах школы аварский язык. О пассивном знании сообщают женщины, которые принимают в своем доме аварских гостей.

Иначе выглядит картина знания арчинского языка. Среди тех, кто родился до 1919 года, ни один человек арчинский не знал. Среди следующих поколений нашлись 8 человек, в некоторой степени (обычно в слабой) владевшие арчинским. Трое из них заканчивали в Арчибе среднюю школу. Отметим, что вопрос о владении арчинским языком нередко вызывает весьма эмоциональную реакцию (*это язык шайтана; зачем он нам?*). Эта формула (*язык шайтана*) была записана нами неоднократно – несколько раз от лакцев и один раз – от пожилой арчинки. Наиболее вероятная причина такой оценки – уникальность арчинского языка на фоне достаточно распространенных лакского и аварского.

Зависимость знания языков от года рождения в Шалибе: языки соседей

	количество человек (м + ж)	арчинский	аварский
1840–1919	22 (11 + 11)	0	59% (13)
1920–1990	29 (13 + 16)	28% (8)	48% (14)

3.3. Читтаб

Читтаб – небольшое аварское селение, расположенное в полутора часах пешего хода от Арчиба. В настоящий момент Читтаб является последним населенным пунктом, который проезжает тот, кто едет в Арчиб. Читтабцы, как и шалибцы, являются ближайшими соседями арчинцев.

Языковая ситуация в Читтабе принципиально отличается тем, что родным языком его жителей является крупнейший литературный язык Дагестана, причем именно этот язык является в районе доминирующим. За исключением жителей Арчиба и Шалиба, все остальные соседи читтабцев – аварцы. Впрочем, конечно, речь читтабцев отличается от литературной – они говорят на местном диалекте. Литературный аварский читтабцы изучают в школе на уроках родного языка. Вторым языком, который преподается в школе, является русский.

База, составленная нами в результате исследования в июле 2009 года, имеет 59 входов, то есть содержит данные о 59-ти людях (27 мужчинах и 32 женщинах), родившихся начиная с середины 60-х годов XIX века.

Мы не будем анализировать ситуацию в Читтабе с той же степенью подробности, как предыдущие селения, поскольку во многих отношениях она похожа на арчибскую и шалибскую. Сходен уровень чтения Корана и грамотности людей до 20-х гг. рождения, сходна динамика изменения этих уровней: знание Корана заметно падает, грамотность резко растет. Как и в двух других селах, в Читтабе был распространен отхожий промысел в Азербайджане, поэтому наблюдался некоторый уровень знания азербайджанского – преимущественно среди мужчин, но встретились и две женщины (обе некоторое время жили с родителями в Азербайджане).

Более интересным является вопрос о том, характерно ли для жителей Читтаба знание соседских языков – лакского и арчинского? В этом отношении ситуация в Читтабе больше напоминает ту, которую мы наблюдали в Шалибе, чем ту, которая имеет место в Арчибе.

Среди читтабцев до 20-х годов рождения лакский знали около 50% (преимущественно мужчины). Этот уровень явно ниже, чем тот, который был характерен для арчинцев – около 80%, но напоминает уровень знания аварского жителями Шалиба – 59%. На вопрос об источнике знания лакского языка читтабцы обычно сообщают о тех или иных хозяйственных отношениях с шалибцами, ближайшими соседями, и о походах в Кумух на базар. Не встретились, однако, другая мотивация (важная для арчинцев): многие из жителей Арчиба ходили в лакские села на заработок; среди читтабцев, похоже, это не было распространено.

Что касается владения арчинским, то оно встречается значительно реже и стабильно на протяжении всего обследованного периода – 12%. В прошлом арчинский язык знали те, кто выполнял в Арчибе какие-то ремесленные работы, – строил дома, шил одежду, в настоящем – те, кто в старших классах учился в Арчибе.

Таблица 13

**Зависимость знания языков от года рождения:
Читтаб до 1919 г. рождения и после**

	количество человек (м + ж)	чтение Корана	грамот- ность	лакский	арчин- ский	русский	азербай- джанский
1840–1919	25 (11+14)	56% (14)	64% (16)	52% (13)	12% (3)	28% (7)	36% (9)
1920–1959	34 (16+18)	18% (6)	91% (31)	29% (10)	12% (4)	88% (30)	6% (2)

3.4. Билингвизм и соседские связи: Арчиб, Читтаб, Шалиб

В результате проведенного исследования обнаружились интересные отличия в том, как было организовано знание соседских языков в трех исследованных селениях.

Если для арчинцев до 1919 года рождения (то есть на тот период, когда, по-видимому, еще сохранялась традиционная система взаимоотношений с соседями), был характерен весьма высокий уровень знания языков соседей (79% для лакского, 92% – для аварского), то в Читтабе и Шалибе ситуация была совершенно иная.

Рис. 3. Однонаправленный языковой контакт: Арчиб vs. Шалиб и Читтаб

Для читтабцев и шалибцев был характерен приблизительно 50–60-процентный уровень билингвизма в отношении языков друг друга – лакского в Читтабе и аварского в Шалибе. В то же время ни читтабцы, ни шалибцы не знали или почти не знали арчинский язык. Заметим, что этот факт осознан жителями Читтаба и Шалиба и даже несколько преувеличивается в оценках (*у нас никто не знал арчинского!*).

На материале исследования этих трех селений можно предположить существование двух различных моделей языкового контакта с соседями. Первый, представленный в Арчибе, можно назвать однонаправленным языковым контактом: для арчинцев характерно знание соседских языков, близкое к стопроцентному, в то время как соседи – аварцы и лакцы – арчинского языка практически не знают (рис. 3). Понятно, что эти два обстоятельства находятся в прямой связи друг с другом: хорошее знание соседских языков арчинцами позволяло читтабцам и шалибцам арчинского не знать и общаться с ними на своем родном языке. С другой стороны, невладение соседями арчинским языком заставляло арчинцев хорошо знать языки соседей. Эта ситуация, по-видимому, говорит о структуре социальных связей арчинцев с аварцами и лакцами: по отношению к арчинскому, аварский и лакский являются доминирующими языками. Социальный статус аварцев и лакцев был более высоким – об этом говорят и качественные исследования, проведенные ранее [Добрушина 2007; 2008].

Напротив, контактная ситуация, характерная для взаимных отношений жителей Читтаба и Шалиба, представляет собой двунаправленный языковой контакт: в обоих селениях не менее чем каждый второй житель в той или иной степени владел соседским языком (рис. 4). Можно предположить, что между шалибцами и читтабцами существовали равноправные социальные отношения – факт, который не является изначально очевидным с учетом того, что на исследованной территории шалибцы представляют собой своего рода этническое меньшинство – кроме них, лакских селений в этом районе нет.

Как можно объяснить подчиненное положение арчинского языка в треугольнике арчинцы-читтабцы-шалибцы и равноправное – лакского и аварского в паре читтабцы-шалибцы? Детальный поиск причин не входит в наши задачи, приведем лишь некоторые соображения.

Первое – социолингвистическое. В отличие от аварского и лакского, арчинский является одноаульным бесписьменным языком. Как показывают интервью, проведенные в Арчибе, Читтабе и Шалибе, «малый размер» арчинского языка и этноса осознавался как самими арчинцами, так и их соседями. В то же время шалибцы всегда были поддержаны своей принадлежностью к большому дагестанскому народу, связями с лакцами, проживающими в Лакском районе, осознанием того, что их язык является письменным и литературным (тексты на лакском языке существуют с XV века).

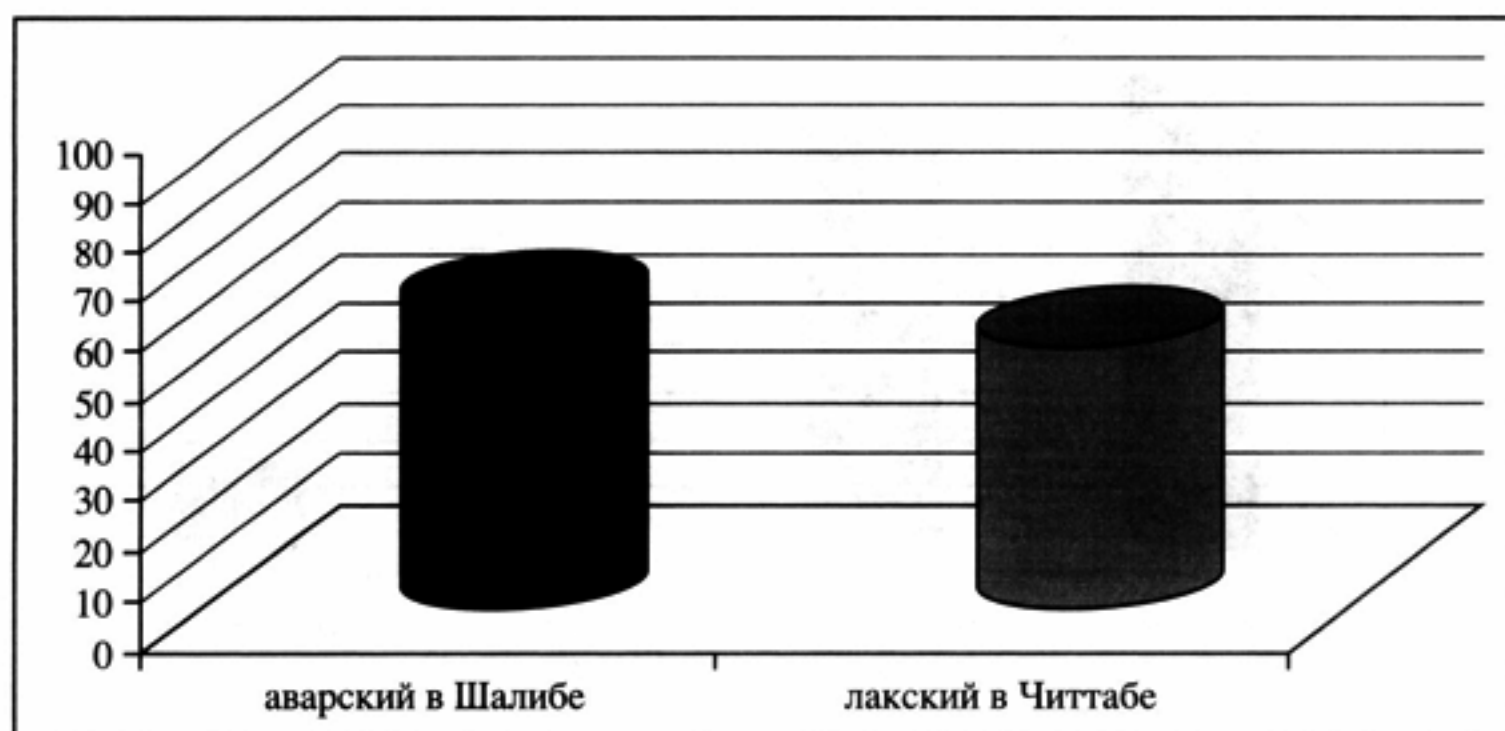

Рис. 4. Двухнаправленный языковой контакт: Шалиб и Читтаб: аварцы и лакцы

Второе объяснение – экономическое. В силу природных условий арчинцы всегда были беднее своих соседей, о чем многократно сообщалось в интервью. Нехватка посевных площадей приводила к тому, что арчинцам не хватало собственного зерна. Зерно выменивалось и закупалось в тех же аварских и лакских селах, поля арендовались у соседей. Напротив, читтабцы и шалибцы не испытывали недостатка в зерне. Респонденты высказывали мнение о том, что бедность арчинцев была одной из причин того, что в Арчибе позже появились люди с высшим образованием, чем в соседних селах (возможность уехать на учебу в город находилась в прямой зависимости от экономического положения семьи). Не исключено, что подчиненное экономическое положение арчинцев было одной из причин их более низкого социального статуса и, как следствие, – подчиненного положения языка.

4. ВЫВОДЫ

В статье были поставлены две задачи. Во-первых, апробировать методику исследования языковых контактов, использующую обращение к семейной памяти респондентов. Во-вторых, заложить основы для типологии контактных ситуаций в Дагестане.

Какие результаты дала работа с воспоминаниями респондентов о старших членах их семьи? Надежда на то, что опрашиваемые хранят в памяти информацию о том, каким языковым репертуаром владели покойные родители или бабушки и дедушки, в общем оправдалась. Ответ «ничего не помню» был крайне редким. Возможно, здесь дело в том, что жители Дагестана вообще отличаются осознанным отношением к собственному многоязычию: здесь принято обсуждать количество языков, которыми владеет тот или иной человек, и знание языков представляется важным ресурсом.

В то же время у нас нет возможности оценить достоверность информации, которую мы получали. Нет сомнений, что были случаи, когда респондент ошибался, предполагая, что его бабушка владела или не владела некоторым языком. Представляется, что в обследованных языковых сообществах есть некоторые стереотипные представления о том, какой набор языков был характерен для определенного поколения (*у нас все старики знали лакский*). Можно предположить, что если опрашиваемый не имел определенных воспоминаний о том, что его старший родственник владел определенным языком (*помню, что дедушка слушал радиопередачи на азербайджанском языке*), то он отвечал на вопросы анкеты, следуя этим стереотипам (*наверное знала лакский – все старики знали*).

Следует осознавать и еще одно ограничение метода. Если мы получили информацию о языковом репертуаре арчинской женщины, которая родилась в 1852 году и умерла в 1956 г.,

от ее внучки, родившейся в 1942 году, это означает, что переданные нам впечатления о наборе языков бабушки были получены внучкой в середине XX века, а не в середине XIX в., как хотелось бы думать. Конечно, языки обычно усваиваются человеком в относительно молодом возрасте, но все же никакой уверенности в том, что у нас есть вполне надежное представление о том, какова была языковая ситуация в Арчибе во второй половине XIX века, быть не может. Это хорошо видно на примере владения Кораном: после 90-х годов XX века, на волне возрождения мусульманства в Дагестане, арабицу начали осваивать арчинцы разного возраста.

Видимо, некоторый процент ошибок нужно признать неизбежным – в конце концов, любые исторические исследования обречены на такого рода случайность. Значимым инструментом для повышения достоверности данных является как можно более обширная база данных. Несмотря на все это, представляется, что желаемые результаты были получены.

Попытаемся сформулировать некоторые выводы, которые могут лечь в основу дальнейших исследований.

1) Контактные языки могут быть разделены на «ближние» (соседские) и «дальние», или, иными словами, на языки ближних социальных связей и языки дальних социальных связей. К языкам ближних связей относятся аварский и лакский для арчинцев, аварский и арчинский для шалибцев, лакский и арчинский для читтабцев. К языкам дальних связей – азербайджанский (кумыкский), русский, даргинский для всех исследованных селений.

2) Различие между ближними и дальними языками в обследованных селениях было связано с различными гендерными моделями билингвизма: знание соседских языков было характерно как для женщин, так и для мужчин, знание дальних – только для мужчин. Это различие объясняется тем, что мужчины уходили на заработки в отдаленные районы: в Азербайджан – лудить посуду, в даргинские села – отгонять скот на пастбища, на заработки в равнинное селение Кочубей, где можно было выучиться русскому, и в русские села. Женщины сидели дома, ходили на поля, арендуемые в ближайших селах, на рынок в Кумух. Их внешние социальные связи, таким образом, ограничивались соседями.

3) Прямым следствием этого является более широкий набор языков, характерный для мужчин по сравнению с женщинами. В Арчибе мужчины, родившиеся в конце XIX века, владели четырьмя – пятью языками: арчинским, аварским, лакским, азербайджанским, русским. Языковой репертуар женщин значительно уже: от одного языка до трех (арчинский, аварский, лакский).

4) Сопоставление трех обследованных селений с точки зрения того, как было организовано в них знание ближних языков, обнаружило значимое различие. Контактные отношения с соседями могут быть разделены на два типа в зависимости от направления контакта: однонаправленный языковой контакт, при котором носители первого языка знают второй, а носители второго языка не знают первый (арчинский – аварский, лакский) и двунаправленный языковой контакт, при котором наблюдается взаимное владение языками друг друга (аварский – лакский в Читтабе и Шалибе).

5) Важным результатом может считаться обнаружение количественного коррелята этих двух типов ситуаций. При однонаправленном контакте 80–100% носителей первого владеют вторым (так оценивается уровень знания аварского и лакского языков в Арчибе) в то время как среди носителей второго языка первый знают от 0 до 20% населения. При двунаправленном языковом контакте языком-партнером владеет около 50% носителей как первого, так и второго языка. Этот результат может быть использован для предсказания того, какой уровень владения контактным языком характерен для носителей второго языка в том случае, если исследована лишь ситуация первого. Так, в результате однодневного обследования табасаранского селения Хив (Хивский район) было обнаружено, что около 90% жителей Хива владеют лезгинским. На основании этой оценки мы предположили, что соседи-лезгины не владеют или почти не владеют табасаранским. Это предположение подтвердилось в ходе второй полевой поездки, когда, помимо Хива, были обследованы соседние лезгинские селения.

6) Выявлена общая для всех исследованных селений тенденция к переходу от локального многоязычия (знания языков соседей) к глобальному многоязычию (знание русского

языка). По мере распространения русского языка утрачивается значимость всех остальных, поскольку русский язык приобрел функции языка межэтнического общения в Дагестане. Читтабцы утратили знание лакского языка приблизительно с 1930-х годов рождения, арчинцы перестали знать лакский язык с 1970-х годов рождения. Знание соседских языков может поддерживаться благодаря некоторым особым ситуациям, таким как отсутствие старших классов в селении (шалибские дети вынуждены доучиваться в школах-интернатах в соседних селах, благодаря чему одни из них выучивают аварский, а другие – арчинский) или преподавание аварского языка в школе (на сегодня основной источник знания аварского для арчинцев).

Есть и практический вывод. Полевой опрос, осуществленный летом 2009 года, показал, что исследования многоязычия должны проводиться «кустами», то есть в нескольких соседних селах. Только в этом случае можно адекватно интерпретировать полученные данные. «Точечное» обследование едва ли может дать представление о языковых взаимоотношениях соседей.

В заключение хотелось бы выразить благодарность рецензенту, высказавшему ряд ценных замечаний, и М.А. Даниэлю, без участия которого исследование не состоялось бы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Архипов и др. 2008 – *А.В. Архипов, М.А. Даниэль, А.Е. Кибрик, М.Э. Чумакина*. Арчинский язык // Малые языки и народы: существование на грани. Вып. 2. Тексты и словарные материалы. М., 2008.
- Добрушина 2007 – *Н.Р. Добрушина*. Многоязычие в Дагестане, или зачем человеку три языка // Социологический журнал. 2007. № 1. <http://www.socjournal.ru/article/681>
- Добрушина 2008 – *Н.Р. Добрушина*. Традиции и инновации в культуре горного Дагестана: из истории советской школы // Вопросы образования. 2008. № 3.
- Кибрики др. 1977 – *А.Е. Кибрик, С.В. Кодзасов, И.П. Оловянникова, Д.С. Самедов*. Опыт структурного описания арчинского языка. Т. 1. Лексика. Фонетика. М., 1977.
- Кибрик 1999 – *А.Е. Кибрик* (ред.). Элементы цахурского языка в типологическом освещении. М., 1999.
- Магомедов 2000 – *А. Магомедов*. Чародинцы. Прошлое, настоящее, будущее. Махачкала, 2000.
- Магомедханов 2007 – *М.М. Магомедханов*. Дагестанцы: веки этносоциальной истории XIX–XX вв. Махачкала, 2007.
- Магомедханов 2009 – *М.М. Магомедханов*. Образцы письменности арчинцев // Антропологический форум. 2009. № 11.
- Сергеева 1967 – *Г.А. Сергеева*. Арчинцы. М., 1967.
- Услар 1992 – *П.К. Услар*. О распространении грамотности между горцами // Сборник сведений о кавказских горцах, издаваемый с соизволения Его Императорского Высочества Главнокомандующего Кавказскою Армиею при Кавказском Горском Управлении. Вып. 3. Тифлис, 1870 // Кавказские горцы. Сборник сведений. Т. 3. М., 1992.
- Цуциев 2006 – *А.А. Цуциев*. Атлас этнополитической истории Кавказа (1774–2004). М., 2006.
- Aikhenvald 2002 – *A. Aikhenvald*. Language contact in Amazonia. Oxford, 2002.
- Bowern 2010 – *C. Bowern*. Fieldwork in contact situations // R. Hickey (ed.). The handbook of language contact. London, 2010.
- Chirikba 2008 – *V. Chirikba*. The problem of the Caucasian Sprachbund // P. Muysken (ed.). From linguistic areas to areal linguistics. Amsterdam, 2008.
- Chumakina et al. 2007 – *M. Chumakina, D. Brown, G.G. Corbett, H. Quilliam*. Electronic dictionary of Archi. 2007. (Online resource: <http://www.smg.surrey.ac.uk/archi/linguists/>)
- Comrie 2008 – *B. Comrie*. Linguistic diversity in the Caucasus // Annual review of anthropology. 2008. V. 37.
- Edwards 2005 – *J. Edwards*. The foundation of bilingualism // T.K. Bhatia, W.C. Ritchie (eds.). The handbook of bilingualism. London, 2005.
- Thomason 2001 – *S. Thomason*. Language contact: An introduction. Edinburgh, 2001.
- WLD – World loanword database: <http://wold.livingsources.org/>

Сведения об авторе:

Нина Роландовна Добрушина
НИУ Высшая школа экономики
nina.dobrushina@gmail.com